

«Приказным служителям в том приказе быть»: штаты Доимочного приказа и Канцелярии конфискации в 1730-х гг.

Алёна Пермякова

«The clerks must belong to that office»: the staff of the *Doimochny prikaz* and the Chancellery of confiscation in the 1730s

*Alena Permiakova (Saint Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences)*

Процессам бюрократизации системы государственного управления в России раннего Нового времени посвящён не один десяток монографий и статей¹. Авторы неизменно интересовали вопросы организации центрального и местного аппаратов управления, изменения институциональной системы, кадрового состава гражданских служащих. Тем не менее, по замечанию Л.Ф. Писарьковой (автора последней фундаментальной работы в этой области), «проблема эволюции русской бюрократии до сих пор остаётся одной из самых сложных и слабо разработанных»². В рамках тенденции «централизации и децентрализации» государственного управления широко изученными оказались реформы Петра I и Екатерины II.

Вместе с тем интересно взглянуть на трансформацию гражданских штатов в 1730-х гг. через призму «доимочных» институций. Известно, что проблема недоимок обозначилась особенно остро в начале царствования Анны Иоанновны. По мнению обер-прокурора Сената Анисима Маслова, платёжные силы

© 2016 г. А.Н. Пермякова

Статья подготовлена в рамках проекта «Анатомия финансовой системы: налоги, бюджет и информация в России раннего Нового времени», «Карамзинская стипендия – 2014», при поддержке Фонда Михаила Прохорова.

¹ См.: *Анисимов Е.В.* Государственные преобразование и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997; *Бабич М.В.* Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М., 2003; *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)*. М., 1964. С. 206–243; *Милоков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2. СПб., 1905; *Russian officialdom. The bureaucratization of Russian Society from the seventeenth to the twentieth century*. Chapel Hill, 1980; *Orlovsky D.T.* Recent Studies on the Russian Bureaucracy // *Russian Review*. Vol. 35. № 4. 1976. Oct. P. 448–467; *Velychenko S.* The Size of the Imperial Russian Bureaucracy and Army in Comparative Perspective // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. Bd. 49. H. 3. 2001. P. 346–362; *John P. le Donne.* The Eighteenth-Century Russian Nobility: Bureaucracy or Ruling Class? // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 34. № 1/2. Noblesse, état et société en russie XVIe: Début du XIXe siècle. 1993. Jan.–Jun. P. 139–147.

² *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 4.

крестьян были истощены разорительной системой взимания налогов, денежная система оказалась расстроенной, в выполнении бюджета царил хаос, отмечалась нехватка наличных средств, отсутствовали надлежащий контроль и отчётность, за населением накопились значительные долги. Ввиду этого одной из главных задач в период правления Анны Иоанновны стало взыскание «доимок», воспринимавшееся как панацея от всех «финансовых бед» (ещё в конце 1720-х гг. были учреждены Доимочная канцелярия, одноимённый приказ и Канцелярия конфискации). Однако крайне актуальная для правительственной риторики того времени тема не нашла, к сожалению, должного отклика в отечественной историографии³.

Разработка новых гражданских штатов в царствование Анны Иоанновны признавалась одним из приоритетных направлений деятельности правительства, призванным оптимизировать аппарат государственного управления и сократить расходы на его содержание. Результаты этой работы в историографии оцениваются по-разному. Создание нового штата коллегий и канцелярий поручили сначала специально организованной комиссии при Сенате⁴, однако, отметил Н.Н. Петрухинцев, будучи разработанными ещё к концу 1731 г., в июне 1733 г. штаты так и не получили высочайшей конфирмации, и «в конечном итоге вопрос о штате так и не был решён до конца аннинского царствования»⁵. Согласно же мнению Ю.В. Готьё, они были установлены почти для каждой областной канцелярии и не утратили актуальности вплоть до 1763 г. (введение штатов Екатериной II)⁶.

Новый виток рассматриваемая проблема получила в 1737–1740 гг., что, по мнению С.М. Троицкого, нашло выражение в сборе сведений о численности бюрократического аппарата и составлении списков канцелярских служащих центральных и местных учреждений⁷. В исследовании Писарьковой отмечено, что разработка штатов 1730-х гг. велась крайне медленно – к декабрю 1738 г. они так и не были подготовлены⁸, что не подтверждено, однако, в отношении штатов Канцелярии конфискации.

В целом возникновение данной проблемы, по мнению сенаторов, выраженному во всеподданнейшем донесении, было связано с промедлением учреждений в предоставлении сведений о количестве чиновников в ведомстве и уплачиваемом им жалованьи. Весьма показательно мнение на этот счёт императрицы: столь «важное и нужное дело продолжается, по-видимому, не от затруднения какого, но от нерадения, для того, что через девять лет довольно времени минуло; и ежели в том труд и радение приложено было, то б не только к сочинению тому потребные ведомости собраны, но и окладная книга и штаты давно сочинены и опробованы были, и обретающиеся в штатском чине, каж-

³ См.: Корчина Е. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 77–91; Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны. М., 1913.

⁴ ПСЗ-1. Т. 8. № 5568.

⁵ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 гг. СПб., 2001. С. 91; *он же*. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014. С. 106–110.

⁶ Готьё Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. С. 275.

⁷ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М., 1974. С. 158.

⁸ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 265.

дый по своим трудам... определенное жалование исправно получали, а напротив того ненадлежащие расходы вовсе пресечены быть могли... о сочинении такой книги и штатов... нашему Сенату иметь крайнейшее старание и радение, а ежели сего к будущему 1740 году учинено не будет, то уже все, конечно, наш императорского величества гнев на себя наведут»⁹.

К ноябрю 1739 г. соответствующая работа («Коликому числу в коллегиях, канцеляриях членам, приказным и нижним служителям быть и жалованья и на расходы давать надлежит») была завершена и новые штаты «с рассуждениями сенатскими для конфирмации в кабинет е.и.в. 5 ноября 1739 года поданы»¹⁰. Подробно анализируя предложения, представленные в Сенат генерал-лейтенантом М.Я. Волковым по штатам Коллегии экономии, Писарькова заключила, что «штат самой коллегии (тогда же, в 1739 г. – *А.П.*) был утверждён и насчитывал 60 человек», а «указов об утверждении штатов других учреждений обнаружить не удалось»¹¹. Предлагаемые в данной статье материалы по штатам Канцелярии конфискации и её конторы (Конфискация) демонстрируют обратное.

С одной стороны, приведённые в книге штатов по гражданской части данные относительно состава бюрократического аппарата в целом за указанный период нельзя признать исчерпывающими¹², с другой, в состав Полного собрания законов Российской империи вошли обобщённые сведения о штатах Канцелярии конфискации (в частности, за 1738 г.) и других «доимочных» институций¹³. Тем не менее очевидна необходимость привлечения дополнительных материалов. Таковыми могут служить Указные книги Канцелярии конфискации и Доимочного приказа, включающие копии указов и резолюций Правительствующего Сената и Кабинета министров, различные ведомости, доношения, промемории, экстракты дел и челобитные. Анализ делопроизводственной документации, отложившейся в фонде Канцелярии конфискации¹⁴, позволяет, в частности, говорить о процессе составления ведомостей штатов и их апробации на местах, изменениях персонального состава служащих, кадровых назначениях и перестановках, выплате жалованья, о внутренних проблемах аппарата управления.

Вопрос о штате служащих «доимочных» институций в связи с возложенными на них функциями контроля, сбора недоимки, отписки и учёта конфискованного имущества на данный момент является открытым. В данной статье предполагается реконструировать штаты новоучреждённых ведомств, рассмотрев их структуру и внутреннее устройство. Известно, что Канцелярия конфискации унаследовала задачи и персонал Доимочной канцелярии¹⁵. Согласно указу Сената от 4 декабря 1730 г., в Канцелярию конфискации велено было передать дела и перевезти служителей из Доимочной канцелярии¹⁶. 23 декабря

⁹ Сборник ИРИО. Т. 126. Юрьев, 1907. С. 248–251.

¹⁰ Там же. Т. 138. Юрьев, 1912. С. 280.

¹¹ Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 270; см. также: ПСЗ-И. Т. 44. Ч. 2. № 7967; Сборник ИРИО. Т. 138. С. 303.

¹² ПСЗ-И. Т. 44. Ч. 2. С. 22–44.

¹³ Там же. № 7557.

¹⁴ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1–6.

¹⁵ Пермякова А.Н. Конфискационная политика в России первой половины XVIII века // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: сборник материалов IV международной конференции молодых учёных и специалистов «Сlio-2014». М., 2014. С. 333–335.

¹⁶ ПСЗ-И. Т. 8. № 5652, 5414.

1735 г. (после кончины А. Маслова) к последней был присоединён Доимочный приказ¹⁷. В связи со сложившейся «преемственностью» в работе данных учреждений прежде всего рассмотрим устройство штатов первой из трёх институций – Доимочной канцелярии, образованной в царствование Екатерины I при Верховном тайном совете¹⁸.

В именном указе Верховного тайного совета от 24 февраля 1727 г., объявленном Сенату, основной причиной учреждения новой институции назывались «великие доимки», образовавшиеся «как на Денежном дворе, так и в разных Канцеляриях и местах на партикулярных людях»¹⁹. К главным функциям учреждённого органа отнесли ведение ведомостей о недоимках и их взыскание для пополнения казны²⁰. По мнению верховников, к 1727 г. она недосчиталась более 1 млн руб., а средства, вырученные с продажи конфискованного и выморочного имущества, оседали в различных присутствиях «и особах... безответно», а «партикулярные люди такими государственными деньгами корыстовались»²¹. Доимочной канцелярии во главе с действительным статским советником Иваном Никифоровичем Плещеевым предстояло пресечь такую порочную практику.

Согласно именному указу Верховного тайного совета от 23 марта 1727 г. штат Доимочной канцелярии был утверждён в составе 47 человек: члены присутствия (президент, советник и ассессор), служащие (2 секретаря, 4 канцеляриста, 16 копиистов), воинская команда для «караулу и разсылок» (20 солдат), 2 сторожа²². Президенту Плещееву поручили лично решать вопросы кадровых назначений, о чём свидетельствует документ (подан в Верховный тайный совет 5 июня 1727 г.): «Понеже указом вашего императорского величества из Верховного тайного совета велено мне в Доимочную канцелярию членов и канцелярских служителей указное число выбрать самому»²³. Тем не менее последнее слово оставалось за членами Совета, а сам Иван Никифорович изначально был лично подотчётен графу Петру Андреевичу Толстому²⁴.

Согласно протоколу от 7 июня 1727 г., из шести предложенных кандидатур в товарищи Плещееву был выбран Андрей Никитич Брылкин, на должность ассессора из трёх представленных претендентов – Юрий Юрьевич Голенищев-Кутузов (из городских дворян), «а секретарям быть по представлению его (Плещеева. – А.П.) Богдану Невежину, Степану Исакову»²⁵. Однако спустя неделю вместо Брылкина, названного в протоколе «Анофрием», в советники в Доимочную канцелярию определили майора Ефрема Ивановича Тарбеева из доимочной канторы, находившейся в Москве (сам Плещеев ранее предлагал его на должность ассессора). Очевидно, такое кадровое назначение было связано с переходом доимочной московской канторы (стола) в ведомство новообразованной канцелярии²⁶. Видимо, майор, служивший при доимочном столе

¹⁷ Там же. Т. 9. № 6849.

¹⁸ Там же. Т. 7. № 5017, п. 7.

¹⁹ Там же. № 5017.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. № 5046.

²³ Сборник ИРИО. Т. 63. СПб., 1888. № 315. С. 667.

²⁴ ПСЗ-1. Т. 7. № 5028. Однако уже в апреле 1727 г. сам Пётр Андреевич вместе с сыном Иваном был арестован и сослан в Соловецкий монастырь.

²⁵ Сборник ИРИО. Т. 63. № 315. С. 666–667; РГАДА. ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 323.

²⁶ Сборник ИРИО. Т. 63. № 361. С. 757–758.

Ревизион-конторы с 1722 г., был выделен как наиболее опытный и знающий кандидат на должность советника. Однако «в товарищах у господина Плещеева» он числился недолго²⁷. В прошении к с.и.в. Тарбеев, находившийся на военной службе в 1704–1722 гг., отмечал: «Я от ран весьма увечен, понеже левая рука в кисти разбита вся и два пальца отбиты прочь и несколько выбрано и костей, которою и ныне не владею; также и в голову ранен же, и от того ныне в голове великий лом и на правом виску растет и от того шишка; да я же имею чечуйную болезнь»²⁸. Так с октября 1727 г. должность советника вновь оказалась вакантной.

Неудовлетворительное для дальнейшей службы состояние здоровья, а также скудное материальное положение («а деревнишки имею самые малые», от Москвы и Санкт-Петербурга «в дальнем расстоянии, а двора своего в С.-Петербурге не имею») – обычный повод для отставки с гражданской службы. После приговора Военной коллегии и «докторского смотра» старые петровские вояки в условиях кадрового дефицита нередко оказывались на различных гражданских должностях, а через некоторое время использовали подобную аргументацию для получения возможности отправиться в свой «домишко... чтоб за убожеством в конец не разориться и без дневной пищи не быть»²⁹. Таким образом, правительство традиционно рассматривало гражданскую службу как нечто среднее между военной службой и старостью, поэтому практике устройства в присутственные места раненых и увечных военнослужащих суждена была долгая жизнь³⁰.

Ведомство испытывало сложности с комплектацией штата воинской команды, где вместо 20 солдат числились лишь 5. В донесении его императорскому величеству от 21 августа 1727 г. Плещеев признался, что взыскивать доимку «за малолюдством при Доимочной канцелярии солдат» некому, отчего «в сборе той доимки не без остановки есть»³¹. В ответ из Санкт-Петербургского гарнизона ему направили «с переменою» ещё 10 солдат³².

В 1728 г. Доимочную канцелярию перевели под управление Высокого Сената, хотя она, возникнув как особый орган, подотчётный Верховному тайному совету, по-прежнему обязывалась отправлять ему ежемесячные ведомости о собранной доимке³³. Однако Доимочная канцелярия не оправдала ожиданий правительства – совершить эффективный сбор «доимочных денег». И в 1729 г. вместо неё была учреждена Канцелярия конфискации, через год унаследовавшая «все отписные дворы, лавки и пожитки», текущие дела и функции упразднённого органа, а также её чиновников³⁴. Несмотря на именной указ Петра II о создании Канцелярии конфискации ещё в мае 1729 г., она приступила к работе только 27 июня 1730 г.³⁵ В соответствии с первоначальной инструкцией эта инстанция должна была управлять движимым и недвижимым конфискованным имуществом, осуществлять его реализацию аукционным торгом. В её

²⁷ Там же. Т. 69. СПб., 1889. № 308. С. 488.

²⁸ Там же. С. 489.

²⁹ Там же.

³⁰ ПСЗ-И. Т. 15. № 11096.

³¹ Сборник ИРИО. Т. 69. № 245. С. 392.

³² Там же. С. 391. По именному указу от 27 июля 1727 г. члены Доимочной канцелярии могли быть оштрафованы за медлительность во взыскании недоимок (ПСЗ-И. Т. 7. № 5123).

³³ Сборник ИРИО. Т. 84. СПб., 1893. № 70. С. 192–193; ПСЗ-И. Т. 8. № 5312.

³⁴ ПСЗ-И. Т. 8. № 5414, 5652.

³⁵ Там же. № 5652.

ведении находился «доимочный правож на сборщиках и расходчиках других людях по подрядам, откупам и какого б звания оные ни были, кроме подушных денег»³⁶.

Структуры штатов Канцелярии конфискации и её предшественницы, очевидно, должны были совпадать³⁷. В высочайших указах, инструкции канцелярии и её собственной документации нет данных за 1730 г. относительно количества «приказных служителей». В указе об учреждении этого органа лишь отмечено: «В судьи выбрав в Сенате, кандидатов представить в нашем Верховном тайном совете»³⁸. Позднее такая практика назначений перешла к Кабинету министров. В июне 1730 г. должность главного судьи (руководителя Канцелярии конфискации) получил действительный статский советник Иван Петрович Шереметев, но уже в декабре 1731 г. его назначили главой Сибирского приказа, а канцелярию возглавил бригадир Иван Григорьевич Безобразов. Причиной его отставки в апреле 1734 г. (как и в случае с майором Тарбеевым) стало неудовлетворительное состояние здоровья: поскольку «за болезнью... отправлять дела и в канцелярию ездить не может», Безобразов просил «впредь к делам не определять»³⁹.

Из предложенных Сенатом кандидатов – полковника Василия Тютчева, бригадира Ивана Грекова, подполковников кн. Семёна Гагарина и Фёдора Сухово-Кобылина – 27 августа 1734 г. должность получил последний⁴⁰. В марте же 1736 г. Фёдора Васильевича уже назначили генерал-провиантмейстером, канцелярию же возглавил бригадир Степан Тимофеевич Греков, в свою очередь отправленный в отставку два года спустя. 15 мая 1737 г. канцелярия перешла под дирекцию тайного советника гр. Платона Ивановича Мусина-Пушкина, который *de facto* руководил ею до 1740 г.⁴¹, оставаясь и президентом Коммерц-коллегии. Тем не менее с апреля 1738 по сентябрь 1740 г. место главного судьи оставалось вакантным⁴². Стоит отметить, что за первые 10 лет работы Канцелярии конфискации на данном посту сменились четыре руководителя, ровно столько же возглавляло её в последующие 40 лет, вплоть до упразднения в 1781 г. Как видим, высокая ротация руководителей ведомства в 1730–1740 гг. была связана с неудовлетворительным состоянием здоровья или получением ими новых назначений.

Указом от 10 февраля 1733 г. в помощь Канцелярии конфискации была учреждена её контора во главе с бывшим ассессором Доимочной канцелярии Голенищевым-Кутузовым, получившим должность главного советника Конторы конфискации⁴³. Место же ассессора занял «в Сибирских и Китайских делах известный» титулярный советник Иван Глазунов. В челобитной к государыне

³⁶ Там же.

³⁷ Согласно данным, выявленным Н.Н. Петрухинцевым в ведомостях Сената, расходы на содержание Канцелярии конфискации на 1731 г. составили 5 415 руб. в год. См.: *Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны...* С. 1040 (табл. 5 приложения 1).

³⁸ Там же. № 5414.

³⁹ Осмотр доктора Шмита и штаб-лекаря Маса подтвердил наличие болезни «ипохондрии»: «а в голове слабость и память худа». Прошение об отставке от дел Канцелярии конфискации решено было удовлетворить (Сборник ИРИО. Т. 108. Юрьев, 1900. С. 342).

⁴⁰ В это время И. Греков был определён губернатором в Белгородскую губернию (Там же).

⁴¹ П.И. Мусин-Пушкин был отстранён от занимаемых должностей и осуждён по делу А.П. Вольнского.

⁴² Лопухин Фёдор Авраамович возглавлял Канцелярию конфискации с сентября 1740 г. по март 1753 г.

⁴³ ПСЗ-I. Т. 9. № 6322.

он просил по возможности определить его в Коллегию иностранных дел, но «порожнее место» имелось лишь здесь⁴⁴. В целом в канцелярии могли оказаться люди с разным профессиональным опытом, порой вовсе не связанным с приказной службой. Однако именно «преемственность» в деятельности «доимочных» институций позволяла их служащим в 1730-х гг. продолжать там работу.

Так, возможность сделать карьеру в Канцелярии конфискации (а затем и в её конторе) представилась не только Голенищеву-Кутузову, но и секретарю упразднённой Доимочной канцелярии Богдану Невежину, позднее получившему должность ассессора. Возглавивший Канцелярию конфискации в 1736 г. Степан Греков ранее руководил Доимочным приказом, в то время как Пётр Сумароков, вступивший в должность главного советника Конторы конфискации после Голенищева-Кутузова, в 1753 г. стал главным судьёй.

Такие примеры продвижений по службе были характерны не только для членов присутствия, но и для канцелярских служащих. Например, в 1728 г. копиист Григорий Красильников поступил в Доимочную канцелярию, затем был переведён в Канцелярию конфискации, где прослужил до 1732 г., а в 1733 г. подал челобитную об определении его подканцеляристом в новообразованный Доимочный приказ⁴⁵. В том же году по указу Сената из Канцелярии конфискации в новое ведомство перевели и протоколиста Андрея Молчанова, который после упразднения Доимочного приказа в 1735 г. вновь оказался в Канцелярии конфискации, но уже в должности секретаря⁴⁶.

В связи с возникновением новых центральных учреждений в адрес их руководителей и Сената поступали просьбы о приёме на службу⁴⁷. В 1733–1734 гг. в Конфискацию были поданы десятки «доношений и челобитий разных чинов людей об определении их к делам»⁴⁸. Эти документы интересны прежде всего наличием информации об опыте и продвижениях по службе представителей нижних чинов. Так, о назначении в Доимочный приказ в 1733 г. просил бывший канцелярист «Переписной канцелярии в Москве Василий Петров сын Протодьяконов», в 1732 г. направленный к полковнику Коробову для следствия над бывшим воеводой Ярославля Фёдором Вельяминовым-Зерновым. Михайла Пименов был копиистом в Камер-коллегии в 1731–1734 гг., а затем просил перевести его ввиду «совершенного убожества» в Московскую Большую таможню, «а ныне желает быть в Доимочном приказе». В «братию копиистов» стремился попасть и бывший в 1728 г. при Соляной конторе Алексей Родионов. Подканцелярист той же конторы Тимофей Пареной хотел получить должность канцеляриста. В подканцеляристы из Акцизной камеры был принят бывший служащий Фёдор Беляев⁴⁹.

⁴⁴ Сборник ИРИО. Т. 104. Юрьев, 1898. С. 529–530.

⁴⁵ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14394, л. 68. Доимочный приказ был образован 7 мая 1733 г. по инициативе и под дирекцией статского советника Анисима Маслова (лично рассматривал выписки о доимках в Сенате). В связи с его смертью и согласно указам от 23 декабря 1735 г. и 31 января 1736 г. приказ был присоединён к Канцелярии конфискации. В указах и делопроизводственной документации Доимочный приказ часто именовался «Доимочной канцелярией» (ПСЗ-1. Т. 9. № 6412, 6849, 6880).

⁴⁶ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14394, л. 67.

⁴⁷ Так, в 1727 г. к делам Доимочной канцелярии пожелал быть определённым копиист Пётр Ушаков (Там же, ч. 1, д. 322). О месте в Канцелярии конфискации в 1733 г. просили подканцелярист Пётр Красный и копиист Семён Чудинов (Там же, д. 1758, 1772).

⁴⁸ Там же, д. 1514, л. 1–24; д. 1757.

⁴⁹ Там же, ч. 6, д. 14395, л. 11–100.

Некоторые «челобитчики» не имели опыта канцелярской службы и рассчитывали получить места в новом ведомстве, апеллируя к приказной деятельности своих отцов, бывших дьяками и подьячими в различных государственных учреждениях. С 26 июня по 12 сентября 1733 г. в связи с набором штата в Доимочный приказ поступили прошения, подобные следующему: «Желаю я, низжайший, быть у дел е.и.в. в Доимочном приказе в подьячих, а наперед сего ни в какой службе я не был»⁵⁰. Копиистами стали и были приведены к присяге сын канцеляриста Камер-коллегии Льва Постникова Григорий, Оружейной палаты «иконописцев сын» Пётр Колмогоров, Вотчинной коллегии «подьяческой сын» Андрей Казанцев, сын подьячего Московского надворного суда Степан Маринов, «Главной Дворцовой канцелярии канцеляриста» Никиты Панкротова сын Иван и др.⁵¹ Многие из них указывали место своего «словесного и письменного» обучения. Например, в 16 лет некий Михайла Иванов, сын подьячего Поместного приказа, «был для науки письма в Московской губернской канцелярии», а сын «Водошного строения сторожа» Иван Семёнов учился при Московской крепостной конторе⁵².

Таким образом, приказную службу рассматривали как потомственное дело, «ремесло», передававшееся по наследству. В связи с дефицитом людских ресурсов такие назначения становились вполне вероятными. Кроме того, отсутствие должных знаний и опыта позволяло руководителям выплачивать молодым подчинённым половину или даже четверть от положенного оклада, по необходимости принимая на службу больше людей, чем было положено.

Однако штат Доимочного приказа долгое время оставался неуккомплектованным. По доношению в Сенат главы приказа С. Грекова, в новое ведомство требовались: 10 секретарей – «ко всякой губернии по человеку», 18 канцеляристов, 18 подканцеляристов, 40 копиистов, 4 сторожа; «для караулу в приказ и для посылок в Москве с сыскными» – сержант, капрал и 24 солдата⁵³. По распоряжению А. Маслова основу данного штата должны были составить канцелярские служащие из комиссии «о Сибирском приказе», остальных же следовало набирать из «прочих коллегий и канцелярий»⁵⁴. Тем не менее восемь человек из данной комиссии разыскать не удалось и только трое «в Доимочном приказе явились и ко управлению дел вступили»: секретарь Дмитрий Окуньков, канцелярист Иван Шляков и копиист Василий Фокин⁵⁵.

Приказ вынужден был начать работу со штатом, укомплектованным лишь на 24%: два секретаря, шесть канцеляристов, восемь подканцеляристов, пять копиистов. Военской команды и сторожей не имелось вовсе. Больше половины служащих (12 человек) «по апробациям явились к делам негодны и писать не умеющие»⁵⁶. По мнению С. Грекова, это объяснялось тем, что «коллегии

⁵⁰ Там же, л. 12.

⁵¹ Без опыта работы был определён копиистом и Пётр Баранов, который приехал в Москву из Нижнего Новгорода, где служил его отец, и «с 1724 года он в Москве не у каких дел не был и жалованья ниоткуда не получал», «а приехал к родному брату, Военной коллегии копиисту, Якову Баранову, при котором живет». После упразднения Доимочного приказа П. Баранова взяли в Контору конфискации, где он сделал карьеру канцеляриста (Там же, л. 12–96; ч. 5, д. 14040, л. 3).

⁵² Там же, ч. 6 д. 14395, л. 83, 113 об.

⁵³ Там же, д. 14394, л. 7.

⁵⁴ Там же, л. 1 об.

⁵⁵ Там же, л. 31. Василий Фокин в 1736 г. был принят в Контору конфискации копиистом (Там же, ч. 5, д. 14040, л. 6).

⁵⁶ Там же, л. 50–52.

Преобразование штата Канцелярии конфискации в 1736 г.

Должность	Доимочный приказ (декабрь 1733 – декабрь 1735 г.)	Канцелярия конфискации	
		прежний штат (до декабря 1735 г.)	новый штат (январь 1736 г.)
Судья	1	1	1
Советник	1	1	2
Ассессор	1	2	2
Секретарь	6	4	6
Протоколист	1	1	1
Канцелярист	14	12	15
Подканцелярист	14	5	15
Копиист	30	26	30
Казначей	–	1	1
Контролёр	–	1	1
Всего	68	54	74

Составлено по: ПСЗ-1. Т. 9. № 6880.

и канцелярии от большей части прислали и ныне присылают таких, которые уже и в тех местах негодны»⁵⁷. Острая нехватка кадров привела к сокращению штатов канцелярских служащих Доимочного приказа на 25%. По указу Правительствующего Сената от 10 декабря 1733 г. в нём должны были состоять 14 канцеляристов, 14 подканцеляристов и 30 копиистов. К тому времени требовалось два подканцеляриста и 11 копиистов, и только штат канцеляристов был полностью укомплектован⁵⁸. В результате пришлось пополнить штат копиистов из числа людей неопытных, только начинавших служебную карьеру. В связи же со слиянием Доимочного приказа с Канцелярией конфискации в начале 1736 г. сформировали единый штат.

Новый штат Канцелярии конфискации превышал предыдущий на 27%, а число её служащих увеличилось в среднем на 33%. Кроме того, судьёй назначили бывшего главу Доимочного приказа С. Грекова, в то время как его предшественник обер-кригс-коммисар Ф. Сухово-Кобылин занял должность генерал-провиантмейстера. Бывшего советника Доимочного приказа И. Скрипицына также приняли в штат канцелярии советником. Остальных служащих Доимочного приказа (ассессора кн. Алексея Львова, секретарей и подьячих) «для определения к другим делам» отослали в Герольдмейстерскую контору⁵⁹.

Канцелярия конфискации неоднократно переезжала как из Москвы в Санкт-Петербург (1737)⁶⁰, так и в самих этих городах⁶¹. Такое перемещение произошло в связи с переездом Сената в столицу ввиду постоянного пребывания там императрицы. А в Москве осталась Сенатская контора, при которой должна была находиться и Контора конфискации. По указу от 21 мая 1737 г. для неё был определён следующий штат во главе с ассессором И. Глазуновым: один сек-

⁵⁷ Там же, л. 49.

⁵⁸ Там же, д. 14394, л. 67.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 9. № 6880.

⁶⁰ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 5, д. 14046.

⁶¹ Переезд Канцелярии конфискации из Москвы в Санкт-Петербург состоялся по указу Анны Иоанновны, адресованному президенту Коммерц-коллегии графу П.И. Мусину-Пушкину, который 15 мая 1737 г. возглавил Конфискацию (Там же, ч. 6, д. 14566, л. 4 об.).

Жалованья служащих Канцелярии конфискации и её конторы в 1737 г.

Штат	Количество человек	Жалованье служащего (в год)		Итого	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Члены присутствия	5	–	–	1 921	36 ¹ / ₂
<i>Канцелярские служащие:</i>					
Казначей	1	300	–	300	–
Контролёр	1	200	–	200	–
Комиссар	2	225	–	450	–
Секретари	5	400	–	2 000	–
Протоколист	1	300	–	300	–
Канцелярист	15	174	27	2 614	5
Подканцелярист	16	58	91	942	56
Копиист	40	34	97	1 398	80
Сторож	5	12	58	62	90
<i>Воинская команда:</i>					
Солдат	17	12	–	204	–
Сержант	1	–	–	18	–
Капрал	1	–	–	15	–
Итого	110			10 426	67¹/₂

Составлено по: РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14566, л. 67–68 об.

ретарь, пять канцеляристов, столько же подканцеляристов, шесть копиистов, один комиссар и два сторожа⁶². Это было далеко не единственное изменение, связанное с деятельностью специально организованной в мае 1737 г. комиссии под начальством гр. Мусина-Пушкина.

Таким образом, штат Конфискации до 1738 г. насчитывал 110 служащих с общим окладом 10 426 руб. 67 коп. с половиной⁶³, превышавшим предложенный президентом Коммерц-коллегии более чем в два раза⁶⁴. В членах присутствия значилось 5 человек, канцелярских чинов – 77 (5 секретарей, протоколист, 15 канцеляристов, 16 подканцеляристов, 40 копиистов). При продажах конфискованного имущества присутствовали контролёр и два комиссара. Также имелось 5 сторожей и воинская команда (17 солдат под началом сержанта и капрала)⁶⁵ – именно эта часть штата была наиболее подвижна. Например, при учреждении Конторы конфискации её главе Голенищеву-Кутузову была определена команда в 12 солдат⁶⁶.

В феврале 1737 г. воинская команда конторы насчитывала 22 человека из «отставных унтер-офицеров, капралов и солдат», что не соответствовало положенной на штат сумме⁶⁷. Наличие девяти человек сверх штата объяснялось временной необходимостью организации дополнительных караулов конфис-

⁶² Там же, ч. 5, д. 14040, л. 1–2 об.

⁶³ Сумма жалований всех служащих, указанная Мусиним-Пушкиным в докладе Кабинету министров, составляет 10 442 руб. 84 ¹/₂ коп., что расходится на 16 руб. 17 коп. с приведёнными им же данными по окладам. Далее приводятся сведения из расчёта именно этой суммы (использовалась для обоснования экономического эффекта от предлагаемого проекта по сокращению штата и урезанию жалований служащим канцелярии).

⁶⁴ Подсчитано мною по: РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14566, л. 67–68 об.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ ПСЗ-1. Т. 9. № 6322.

⁶⁷ Там же. № 7189. С. 60–61.

кованных дворов и имущества. В докладе Сенату контора отмечала, что для караула «денежной казны и колодников, так и в Аукционной камере отписных пожитков, и для рассылок» ей достаточно одного капрала и 12 рядовых, «а сколько для караула отписных дворов и пожитков солдат быть имеет, того... познать невозможно: понеже оных временем прибывает и убывает»⁶⁸. В результате по указу Сената решено было дополнительно посылать из «развода гарнизонных полков» солдат по необходимости.

Жалованье служащим Конфискации выплачивалось по «третьям», т.е. раз в четыре месяца и рассчитывалось с января по май, с мая по сентябрь и с сентября по декабрь включительно. Таким образом, годовой оклад делился на три равные части. В таблице 3 представлены реальные оклады служащих Конторы конфискации, а также действительное число людей, на 47% превосходившее утверждённый в мае 1737 г. штат. Общая сумма, требовавшаяся на содержание такого расширенного кадрового аппарата, составила бы 3 157 руб. 44 коп. против 2 317 руб. 44 коп., положенных на штат⁶⁹.

Однако, судя по приведённым данным, персональные оклады служащих могли существенно отличаться от утверждённых должностных и, как правило, были ниже. Наиболее высокое жалованье получали те, кто давно занимал свою должность. Случаи карьерного роста внутри «доимочных» институций оказывались вполне обыденным делом, но при вступлении чиновника в новую должность обычно за ним сохранялся прежний оклад до тех пор, пока он не проявлял себя на новом месте. Так, новый секретарь С. Кошкин получал прежнее канцелярское жалованье, как и бывший подканцелярист С. Горайнов, который, став канцеляристом, имел лишь полный «подканцелярский оклад»; то же касалось комиссара А. Шарапова, вышедшего из канцеляристов.

Сравнительно небольшие оклады имели те, кого только недавно приняли на службу, а жалованье за «треть» им начислялось по количеству отработанных в ведомстве дней. Канцеляристу И. Расихину, присланному в Контору конфискации 28 марта 1738 г., начислили жалованье за дни, проработанные до мая, как и копиисту И. Индрикову, определённого в контору 17 апреля 1738 г.; комиссару – с момента вступления в должность, т.е. с 28 октября 1737 г. по 1 января 1738 г.; подканцелярист А. Аверкиев и копиист М. Индриков тоже получили плату за месяц и 21 день.

Из начисленного жалованья вычитались деньги на госпиталь, а также возложенные на служащих штрафы. В целом в функции всех «доимочных» институций входила обязанность взыскивать с чиновников штрафные деньги «из заслуженного их жалованья». Однако в марте 1739 г. решено было вовсе не выдавать членам и служащим различных присутствий положенного оклада без справок из Конфискации, чтобы «оштрафованным должникам... из Штатс-конторы того им жалованья в дачу произведено не было»⁷⁰. Так, при Анне Иоанновне чиновникам не только выплачивали жалованье из доимочных денег, поступавших в ведение Канцелярии и конторы конфискации, но и выдача его «приказным служителям» была поставлена под контроль данных «доимочных» институций⁷¹.

⁶⁸ В это время у караула находились 46 солдат из гарнизонных полков (Там же).

⁶⁹ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 5, д. 14040, л. 1–2 об.

⁷⁰ Там же, д. 14045, л. 1–2.

⁷¹ До 1738 г. средства, имевшиеся в Конфискации, могли быть запрошены на «различные нужды» как Сенатом, так и Штатс-конторой. Однако в январе 1738 г. по указу е.и.в. контроль над расходованием денег полностью перешёл к Кабинету министров: «никакие дачи без указов из Кабинета е.и.в. не держать». Вероятно, это решение было связано с сокращением поступавших средств по адмиралтейской и прочим доимкам (Там же, ч. 6, д. 14566, л. 71).

**Жалованья канцелярских служащих Конторы конфискации
за «сентябрьскую треть» 1737 г. и «январскую треть» 1738 г.**

Должность и замещающие её служащие	Должностной оклад в год (руб.)	Персональный оклад в год		Жалованье служащего			
		руб.	коп.	сентябрьская треть		январская треть	
				руб.	коп.	руб.	коп.
Канцеляристы:	200	–	–	–	–	–	–
За секретаря	400	190	–	37	18	52	80
Сергей Кошкин							
Пётр Крылов		190	–	60	58	46	20
Егор Фёдоров		130	–	42	90	42	90
Иван Расихин		–	–	–	–	12	3 ¹ / ₄
Сергей Горайнов		60	–	19	80	19	80
Пётр Баранов		160	–	52	80	38	32 ¹ / ₄
Андрей Протопопов		160	–	52	80	38	32 ¹ / ₄
<i>Итого 7 человек</i>	1 400	890	–	266	6	250	37 ³ / ₄
Подканцеляристы:	60						
Александр		50	–	16	50	19	80
Спиридонов							
Василий Протопопов		50	–	16	50	19	80
Алексей Иванов		50	–	16	50	16	50
Тимофей Григорьев		50	–	16	50	16	50
Семён Чудиков		50	–	16	50	16	50
Федосей Никитин		50	–	16	50	11	95 ¹ / ₄
Алексей Селезнёв		50	–	16	50	11	95 ¹ / ₄
Иван Прокофьев		35	–	11	55	11	55
Алексей Аверкиев		30	–	8	53 ¼	11	55
<i>Итого 9 человек</i>	540	415	–	135	58 ¼	136	10 ¹ / ₂
Копиисты:	50						
Иван Ушаков		50	–	16	30	16	50
Иван Воронов		50	–	16	30	16	50
Козьма Прохоров		40	–	13	20	13	20
Михаил Савельев		35	–	11	55	11	55
Андрей Копнин		30	–	9	–	11	55
Николай Губин		30	–	9	–	9	90
Семён Остафьев		30	–	9	–	9	90
Иван Ярцов		30	–	9	–	9	90
Василий Фокин		30	–	9	–	9	90
Иван Комаров		25	–	8	25	9	90
Иван Крылов		20	–	6	60	6	60
Дмитрий Коптев		12	–	3	96	4	95
Василий Белков		12	–	3	96	3	96
Фёдор Шляков		12	–	3	96	3	96
Матвей Индриков		10	–	1	63 ¹ / ₂	3	29
Михаил Фокин		8	–	2	66 ² / ₃	2	66 ² / ₃
Иван Индриков		–	–	–	–	1	25
<i>Итого 17 человек</i>	850	424	–	133	38 ¹ / ₆	145	47 ² / ₃
<i>Счётчики</i>	60						
Емельян Есипов		60	–	19	80	19	80
Афанасий Марков		60	–	19	80	19	80
<i>Итого 2 человека</i>	120	120	–	39	60	39	60
<i>Сторожа</i>	11.22						

Таблица 3 (окончание)

Должность и замещающие её служащие	Должностной оклад в год (руб.)	Персональный оклад в год		Жалованье служащего			
		руб.	коп.	сентябрьская треть		январская треть	
				руб.	коп.	руб.	коп.
Аниска Новиков		11	22	3	79	3	79
Трофим Соколов		11	22	3	79	3	79
<i>Итого 2 человека</i>	22.44	22	44	7	58	7	58
<i>Комиссар Александр Шаратов</i>	225	190	—	28	78	—	—
Расходы на штат в 38 человек	3 157.44	2 061	44	610	98⁵/₁₂	579	12¹¹/₁₂

Составлено по: РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 5, д. 14040, л. 1–6 об.

Тем не менее, как верно заметила Писарькова, несмотря на стремление правительства Анны Иоанновны перейти от наградного характера выдачи жалованья служащим центрального аппарата к регулярным денежным выплатам, последние по-прежнему зависели от состояния финансов и рвения самих чиновников⁷². Архивные материалы, например, подтверждают факты периодических выплат жалованья китайскими и сибирскими товарами, за которые служащие пытались выручить деньги в аукционных камерах Канцелярии конфискации и её конторы⁷³.

В целом выплата жалованья в обоих ведомствах Конфискации в данный период проводилась регулярно⁷⁴, а большинство положенных окладов (кроме секретарей) было сопоставимо с жалованьем канцелярских служащих Сената и его конторы⁷⁵. Так, приведённые ранее оклады штатов «доимочных» институций стоит считать высокими, а наибольшее жалованье в Канцелярии конфискации (600 руб. в год) получал советник Степан Кохиус, немец по происхождению⁷⁶.

Однако в декабре 1737 г. гр. Мусин-Пушкин внёс в Кабинет предложения по сокращению штата Канцелярии конфискации и её конторы, а также «урезанию жалованья приказным служителям». Данная инициатива объяснялась предполагаемым уменьшением количества дел в ведомстве в связи с подтверждением Кабинетом министров ранее возникшей практики рассматривать и решать дела о доимках в Сенате⁷⁷. Согласно таблице 4 общий штат Канцелярии конфискации и её конторы должен был сократиться на 43%, а выделенную на его содержание сумму предполагалось снизить на 55%, что составляло 5 757 руб. 98 коп. Мусин-Пушкин особо подчёркивал, что данная сумма будет оставаться в казне ежегодно.

⁷² Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 322.

⁷³ Так, в 1745 г. у некоего канцеляриста Суворова были приняты для продажи «китайки» (разновидность ткани) (РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 1410).

⁷⁴ Также имеются выписки о выплатах жалованья в 1740–1742 гг. (Там же, ч. 5, д. 14144).

⁷⁵ Жалованье секретаря составляло в год 500–600 руб., протоколиста – 300, канцеляриста – от 160–230, копииста – от 40–50, но сторожа – 24 руб. (ПСЗ-1. Т. 9. № 7404).

⁷⁶ В 1730-х гг. по-прежнему сохранялись повышенные оклады для иностранцев на русской службе. О разнице окладов для русских и иностранцев см.: Писарькова Л.Ф. Указ. соч. С. 315–317.

⁷⁷ В соответствии с резолюцией Кабинета министров на сообщении из Сената от 5 октября 1737 г. имеется запись: «велено для исполнения по оным решениям посылать в конфискацию, ибо конфискация для правежа только учреждена, а ежели оной в рассмотрение тех дел вступать, то уже не конфискация будет и конца ожидать невозможно» (РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14520, л. 1 об.).

Предложения П.И. Мусина-Пушкина по сокращению штата Канцелярии конфискации и её конторы (декабрь 1737 г.)

Штат	Количество человек	Жалованье служащего (в год)			
		прежний оклад		новый оклад	
		руб.	коп.	руб.	коп.
Канцелярия конфискации в Санкт-Петербурге					
Главный судья	1	544	8	544	8
Ассессор	1	226	62	197	88
Секретарь	2	400	–	400	–
Протоколист	1	300	–	250	–
Канцелярист	4	174	27	200	–
Копиист	10	58	91	50	–
Сторож	2	12	58	18	–
Солдат	8	12	–	11	20
Приёмщик	4	–	–	13	54
Комиссар	1	225	–	67	35
Вахмистр	1	–	–	30	–
Капрал	1	15	–	12	–
<i>Итого</i>	36	–	–	3 313	72
Контора конфискации в Москве					
Главный Советник	1	544	8	381	52
Ассессор	1	226	62	197	88
Секретарь	1	400	–	150	–
Протоколист	1	300	–	100	–
Канцелярист	2	174	27	80	–
Копиист	6	58	91	20	–
Сторож	1	12	58	18	–
Солдат	8	12	–	8	92
Приёмщик	4	–	–	11	–
Комиссар	1	225	–	49	3
Капрал	1	15	–	11	–
<i>Итого</i>	27	–	–	1 302	79
Всего (по окладам)	63	–	–	4 616	51
Всего на жалованье в год	63	–	–	4 684	86

Составлено по: РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14566, л. 67–70 об. П.И. Мусин-Пушкин привёл общую сумму в 4 684 руб. 86 коп., в то время как общая сумма окладов, указанных в его доношении, составила 4 616 руб. 51 коп.

Все должностные оклады членов и служащих обоих ведомств были сопоставлены с жалованьем гражданских чинов соответствующего класса в других учреждениях. Так, главному судье С. Грекову было определено «жалованье получать прежнее, почему получает». А главному советнику Конторы конфискации П. Сумарокову, находившемуся в чине действительного статского советника, назначили жалованье «против Коллежского советника», с пояснением: «а хотя свыше того рангу кто определен будет токмо жалованье получать советничье». В пример приводился Вотчинной коллегии в Москве статский советник кн. Иван Васильевич Одоевский, имевший такой же оклад⁷⁸.

⁷⁸ Там же, д. 14566, л. 159 об.

Тот же принцип распространялся на жалование ассессоров. Остальным «приказным служителям» Канцелярии конфискации был положен должностной оклад в соответствии с окладами Коммерц-коллегии или же Коммерц-коллегии конторы (для служащих Конторы конфискации). Полностью из оклада исключались 16 человек подканцеляристов – «ибо по штату ни в которой коллегии не положены». Денежное довольствие воинской команде канцелярии предполагалось производить «против солдат и капрала Санкт-Петербургского гарнизона», а в Конторе конфискации – «против солдат московских гарнизонных полков».

Новый должностной оклад служащих Канцелярии конфискации в целом соответствовал прежнему, лишь в нескольких случаях (для протоколиста и копиистов) стал на 16% ниже, и напротив, у канцеляристов повысился на 13%, а у сторожей – на 27%. Несопоставимо меньше стало только жалование комиссара при товарах и вещах, урезанное на 70%. Новый оклад был положен из расчёта денежного и продуктового довольствия прапорщика Санкт-Петербургского гарнизона, отправлявшего комиссарскую должность при магазине (специальная постройка для хранения имущества) и получавшего 56 руб. жалования, 7 руб. 32 коп. – на денщика и 4 руб. 3 коп. «с восьминою» – за провиант. Комиссар Конторы конфискации должен был получать и того меньше, исходя из размера жалования комиссара Московского гарнизона.

В целом должностные оклады служащих канцелярии и конторы различались существенно. Новый штат конторы должен был состоять из 27 человек, что было на 25% меньше планируемого Мусиным-Пушкиным штата канцелярии. Однако денежное довольствие на её контору в Москве составляло лишь 39% оклада, положенного 36 служащим канцелярии в Санкт-Петербурге, т.е. 1 302 руб. 79 коп. против 3 313 руб. 72 коп. в год. Из годового жалования в 4 684 руб. 86 коп. сумма, положенная для конторы, составляла менее 28% (как и от суммы всех окладов – см. табл. 4). Например, жалование секретарей, протоколиста, канцеляристов и копиистов в главном ведомстве в среднем было на 60% выше, чем у служащих конторы на аналогичных должностях.

Предложения Мусина-Пушкина уже 4 января 1738 г. получили высочайшее одобрение. В марте из Кабинета прислали записку, в которой велено было положить 5 тыс. руб. на штат Конфискации, с пометкой: «ту прибавочную сумму (315 руб. 14 коп. – *А.П.*) разделить на нижних приказных служителей к их жалованью»⁷⁹. В начале апреля 1738 г. Мусин-Пушкин внёс доработанный проект с учётом данного требования. Общая сумма, выделенная на штат канцелярии, составила 3 583 руб. 60 коп., а для её конторы – 1 416 руб. 40 коп. Сверх рассчитанной ранее суммы на штат канцелярии было положено 202 руб. 53 коп., которые распределили между комиссаром (его жалование возросло до 100 руб.), копиистами (оклад каждому вырос на 10 руб.), приёмщиками и солдатами. Дополнительно выделенные на штат конторы 113 руб. 34 коп. пошли на оклад комиссару при товарах, жалование которого составило 70 руб., копиистам также прибавили по 10 руб., увеличили довольствие воинской команде и приёмщикам⁸⁰. Однако общего соотношения при распределении средств между двумя ведомствами эта надбавка не изменила – Контора конфискации по-прежнему получила 28% суммы 5 тыс. руб., утверждённой на весь штат.

⁷⁹ ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. № 7557.

⁸⁰ Оклад капралу был увеличен с 12 руб. до 17 руб. 64 коп., в то время как жалование солдату подняли до 17 руб. В расчётах Мусина-Пушкина по штату Канцелярии конфискации присутствует ошибка – общая сумма всех окладов составляет 3 584 руб. 32 коп., что на 73 коп. больше суммы, указанной им в таблице. По данному проекту жалование солдата составило 12 руб., капрала – 13 руб. (Там же).

Несмотря на то что количество служащих обоих ведомств было чётко определено, реальное число сотрудников, как и их оклады, могло отличаться от прописанного в штатах. Ссылаясь на указ 1725 г. и уже сложившуюся «в прочих местах» практику, Мусин-Пушкин в докладе отмечал: «Хотя оным в специальных штатах каждому чину оклад и написан, но сие токмо для счисления суммы..., а понеже приказные люди все равного состояния быть не могут, ибо есть такие, которые в делах перед другими искуснее и в трудах прилежнее, того ради каждой коллегии и канцелярии определенную сумму по числу приказных служителей разделить всякому по трудам и по заслугам по своему рассмотрению»⁸¹. Тайный советник подчеркнул, что ранее в канцелярии сумма на жалованья также выделялась в целом на штат, а не на каждого «приказного служителя... сколько оных ни было». Он предположил: «хотя и более вышеписанного числа приказных служителей в Канцелярии конфискации будет, как и во всех коллегиях более имеется, нежели по штату положено», но дополнительных средств из казны не потребуется, а установленный оклад будет распределяться внутри ведомства по сложившемуся принципу. На это была дана резолюция: «Канцелярским служителям и Секретарю давать жалованье, смотря по их трудам; а прочее апробуется»⁸². Словом, Канцелярия конфискации или её контора могли сами «рассудить сверх определенного числа в штат людей прибавить или убавить»⁸³, а их реальные должностные оклады могли быть как больше, так и меньше заложенных.

Штаты 1738 г. отличались от прежних не только окладами и количеством сотрудников, но и новыми должностями, связанными со спецификой работы данных ведомств. По сообщениям в Сенат Мусина-Пушкина, Канцелярии конфискации требовалось не менее четырёх приёмщиков и одного комиссара, который должен был возглавить этот штат. Выморочное и конфискованное имущество, поступавшее для дальнейшей продажи, требовало особого внимания и контроля со стороны служащих. В соответствии с разработанной тайным советником инструкцией, всё конфискованное надлежало «запечатывать» в амбарах, причём комиссар и приёмщики имели общие печати. Они несли персональную ответственность за сохранность вверенных им вещей, которые периодически нужно было вычищать и просушивать. Комиссар лично должен был «почасту» их осматривать, «чтоб не повредились», присутствовать, когда приёмщики выставляли из амбаров товары и «пожитки» или клали их назад. Однако комиссару запрещалось осматривать вещи в отсутствие приёмщиков, таким образом, устанавливался взаимный контроль⁸⁴. Каждый приёмщик должен был вести собственную книгу принятым на себя «отписным пожиткам» с информацией, откуда какие вещи были присланы. Со всех книг комиссар и приёмщики составляли сводный отчёт для Канцелярии конфискации, то же требовалось и от её конторы.

Работа была ответственной, поэтому Мусин-Пушкин в 1738 г. просил Сенат определить в комиссары и приёмщики людей из шляхетства – «добрых, кому б в том можно было верить»⁸⁵. Однако положенное им жалованье оказалось небольшим – 18 руб. в год в Канцелярии конфискации и 12 руб. 50 коп. – в её конторе, что было сопоставимо с должностными окладами сторожей, а также воинской

⁸¹ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14566, л. 70–70 об.

⁸² ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. № 7557.

⁸³ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14566, л. 70 об.

⁸⁴ «Без комиссара приемщиком, таж и комиссару без них ничего из амбаров не выставлять и в амбары не складывать» (Там же, л. 149 об.).

⁸⁵ Там же, л. 176.

команды⁸⁶. Процесс назначения людей на эти должности затянулся: Мусина-Пушкина не устраивали кандидатуры, присылаемые из Герольдмейстерской канторы, о чём он докладывал в Кабинет министров. Сенат же, ссылаясь на «малолюдство», в течение четырёх месяцев не мог найти и утвердить других людей. Сначала на должность комиссара прислали некоего дворянина Назара Елагина, который по осмотру от медицинской канцелярии «у дел быть явился за болезнью и старостию неспособен», и Канцелярия конфискации в доношении Сенату просила определить «достойного». Спустя месяц, в июне 1738 г., в Конфискацию прислали дворянина Костюрина, об определении которого комиссаром Правительствующий Сенат указа так и не представил⁸⁷, следовательно, канцелярия не могла допустить его к отправлению данной должности.

Штат приёмщиков также пустовал. В Канцелярию конфискации требовалось четыре человека из отставных унтер-офицеров или из шляхетства – из Сената был прислан только один отставной сержант Фёдор Прокудин. Канцелярия навела о нём справки и выяснила, что в 1729 г. он был прапорщиком, но «за учиненную в бытность его на карауле погрешность» его разжаловали в сержанты, в 1733 г. он получил прежний ранг, которого вскоре снова лишился за «явившийся на нем начет» и был вторично «написан в сержанты». Не лучшим образом зарекомендовавший себя по службе Прокудин совсем не имел движимого и недвижимого имущества, и, по мнению Конфискации, не мог занимать материально ответственную должность. Его имя в деле стало даже нарицательным – Мусин-Пушкин писал в Сенат, чтобы прислали людей доверенных, «а не таких как вышеобъявленный Прокудин»⁸⁸.

В Кабинет министров, А.И. Остерману и А.П. Волынскому, тайный советник Мусин-Пушкин доносил, что «за долговременным» от Правительствующего Сената «неопределеньем» комиссара и приёмщиков уже более четырёх месяцев конфискованным имениям продажи не было, а вещи не просушивались. «Того ради... ежели от того казне е.и.в. учинится какой убыток, то б того ко мне причтено не было», – писал граф⁸⁹. Из Кабинета был получен резонный ответ: «сие за оправдание принять невозможно», и «ежели из товаров что погниет, оное все на самих судьях взыскано быть имеет», так как имеющиеся у прежних служителей вещи, «у кого оные товары на руках есть», нужно было просушивать и продавать раньше⁹⁰.

Весной 1738 г. новые штаты Канцелярии конфискации и её конторы были утверждены, а к декабрю 1739 г. опробованы. Благодаря возникшей преемственности в работе «доимочных институций» канцелярия в 1730-х гг. не испытывала «приказного голода» и не имела проблем с комплектацией штата (Доимочная же канцелярия и одноимённый приказ вынуждены были решать вопросы кадрового дефицита в начале своей деятельности). От эффективной работы данных учреждений при взыскании доимок по таможенным и кабацким сборам зависели выплаты жалований не только служащим самих ведомств, но и центральному аппарату управления.

Разработанный же сенатором Мусиным-Пушкиным проект в некотором роде можно считать экспериментом, в ходе которого была не только решена задача сокращения правительственных расходов на содержание институций

⁸⁶ ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. № 7557.

⁸⁷ РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 6, д. 14566, л. 176.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, л. 177.

Конфискации, но и заложена основа для применения данного опыта разработки штатов в других учреждениях. «Высочайше апробованный штат Канторы конфискации» послужил прецедентом, на основании которого в декабре 1739 г. Мусин-Пушкин распisał жалованья «приказным и нижним служителям» Коллегии экономии, на что была получена резолюция: «учинить по сему»⁹¹.

Таким образом, при Анне Иоанновне сохранялся курс на сокращение аппарата управления и расходов на его содержание, но одновременно происходили отступления от него, выражавшиеся в расширении прежних штатов и учреждении новых институций⁹². Причём правительство не всегда действовало последовательно. Первая половина царствования Анны Иоанновны ознаменовала собой «расцвет» деятельности доимочных институций, когда одновременно функционировали Доимочный приказ, Канцелярия конфискации в Москве и её контора в Санкт-Петербурге. Только к концу 1730-х гг. проявилась тенденция к сокращению штатов канцелярии и её конторы, а также расходов на денежные жалованья, что во многом исходило не от Кабинета министров, а от сенатора Мусина-Пушкина. В соответствии с его «прожектом» было перестроено штатное расписание и изменено финансирование прочих ведомств (Коммерц-коллегии и её конторы, Коллегии экономии).

По поводу выплат жалований следует указать на восстановление в 1730-х гг. принципа денежной компенсации за службу и на то, что реальные оклады канцелярских служащих в большинстве случаев были значительно меньше положенных по штату. В этой связи стоит согласиться с Писарьковой: по отношению к штатному расписанию 1725 г. «оклады служащих канцелярии были сильно урезаны», и чем ниже в канцелярской «Табели о рангах» находилась занимаемая должность, «тем меньшую часть штатного оклада получал на руки её исполнитель»⁹³.

Однако на фоне усложнявшегося делопроизводства, в условиях режима экономии средств и сокращения канцелярских должностей отступление от штатного оклада стало внутренней стратегией «выживания» центральных учреждений, что позволяло им в действительности содержать на службе большее число людей, пусть и на меньшем жаловании. Максимальные же штатные оклады выдавались «старожилам» канцелярии, положительно зарекомендовавшим себя на занимаемых должностях. Таким образом, канцелярия представляла собой в некотором роде самоуправляющуюся единицу и по своему усмотрению перераспределяла суммы, выделявшиеся на штат.

Разница, выявленная между штатным расписанием и реальным количеством служащих, заставляет по-новому взглянуть на ряд противоречивых выводов по истории государственного управления первой половины XVIII в. Как принято считать, в первой четверти XVIII в. «шёл процесс постоянного сокращения числа канцелярских служителей – главных работников, обеспечивавших нормальный ход бюрократической машины. По сравнению с концом XVII в., в центральном управлении их стало меньше в 2.5 раза», что противоречило характеру проводившихся преобразований на фоне быстрого роста числа учреждений,

⁹¹ ПСЗ-1. Т. 44. Ч. 2. № 7567. Писарькова, рассмотрев штаты Коллегии экономии со ссылкой на данный указ, допустила ошибку: общее число служащих, включая членов присутствия, составило не 60 человек, а 72. Кроме того, ошибочным является и её утверждение об отсутствии указов о создании штатов других учреждений (*Писарькова Л.Ф.* Указ. соч. С. 270).

⁹² Данный вывод подтверждают и расчёты Н.Н. Петрухинцева, согласно которым «одновременно со снижением произошёл существенно превышающий его рост управленческих расходов» (*Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны... С. 108–109).

⁹³ *Писарькова Л.Ф.* Указ. соч. С. 317.

испытывавших большой недостаток в канцелярских служителях, за счёт чего происходила интенсификация труда исполнителей⁹⁴.

Действительно, укомплектовать штат нового ведомства оказалось непростой задачей, если учесть количество высвободившихся «приказных служителей». Но, возможно, кадровый дефицит центральных учреждений был связан не с малолюдством, а с неофициальной занятостью данных кадров в коллегиях и канцеляриях, привлекавших людей сверх штата⁹⁵. На эту практику недвусмысленно указывал и сам Мусин-Пушкин в донесениях Кабинету. То есть реального сокращения аппарата, вероятно, не произошло, а официальные штаты устанавливали лишь минимальное количество служащих, необходимых учреждению. В таком случае факты и их преломления таковы, что официальные материалы Сената продемонстрировали лишь то состояние российской бюрократии, каким его видели законодатели, а не то, каким оно было на самом деле, тогда как привлечение первичной документации может предложить нам альтернативные данные.

---

⁹⁴ Писарькова основывает свои выводы на статистических данных Н.Ф. Демидовой и И.К. Кирилова (*Писарькова Л.Ф.* Указ. соч. С. 222–224; *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия. М., 1987. С. 23, 31, 37 (данные за 1698 г.); *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 85–86, 88 (данные за 1726 г.)).

⁹⁵ Например, в Адмиралтейской коллегии насчитывалось 277 служащих вместо 217, что значительно превышало штатное расписание (ПСЗ-1. Т. 44. № 10725).